

АЛЕКСЕЙ
РОСТОВЦЕВ

ЯЩИК ДЛЯ ПИСЕМ ОТ ПОКОЙНИКА

Алексей Ростовцев

**Ящик для писем от
покойника (сборник)**

«АРДИС»

Ростовцев А. А.

Ящик для писем от покойника (сборник) / А. А. Ростовцев — «АРДИС»,

Алексей Александрович Ростовцев – полковник в отставке, прослуживший в советской разведке четверть века, из них шестнадцать лет – за рубежом; писатель, автор многих книг и публикаций, член Союза писателей России. «...Контрразведка и разведка дали мне неисчерпаемый материал для моих литературных эзексисов на всю оставшуюся жизнь. В моих рассказах – жестокая правда оперативной работы, которую надо делать чистыми руками. Из соображений конспирации я заменил клички агентов, установочные данные фигурантов, сместил временные и пространственные рамки событий. Всё остальное – правда...» Алексей Ростовцев, полковник советской разведки

© Ростовцев А. А.

© АРДИС

Содержание

Враги народа	5
Первый день последней командировки	10
Ящик для писем от покойника	12
Не всё скоту масленица	15
Впускать только рыжих	18
Обязательство	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Ростовцев

Ящик для писем от покойника

Враги народа

В 1969 году, после завершения первой заграничной командировки, меня направили в Нефтегорск на должность начальника первого отделения второго отдела областного управления КГБ. В подразделении этом было двенадцать офицеров. Занималось оно иностранными и советскими гражданами, подозреваемыми в причастности к спецслужбам противника, поэтому в нем работали наиболее подготовленные и опытные оперативные сотрудники. В сферу деятельности отделения входил рутинный довесок – проверка жителей Нефтегорской области, выезжающих в длительные заграничные командировки. Довесок этот доставлял немало хлопот: надо было проверить по оперативным учетам как командируемых, так и их ближайших родственников, собрать официальные характеристики, сделать агентурные установки по местам жительства и работы и, наконец, подготовить соответствующее заключение для выездной комиссии обкома КПСС. Тот, кто полагает, что вопрос о выезде за границу того или иного человека решался в КГБ, глубоко заблуждается. Окончательный вердикт всегда выносили партийные органы. Начальник нашего управления был лишь рядовым членом выездной комиссии обкома. Он докладывал комиссии наши заключения, которые, как правило, заканчивались сакраментальной фразой: «Материалами, препятствующими выезду такого-то в капстрану, не располагаем». Комиссия была вольна согласиться или не согласиться с нашими выводами. «Препятствующими материалами» могли быть сведения о чрезмерном корыстолюбии, пьянстве, распутстве, буйном нраве или политической неблагонадежности проверяемого. Последнее встречалось в те годы весьма редко. Мы старались, чтобы за границей нашу страну представляли достойные люди. Это теперь вся российская мразь режется и снимает стресс на Лазурном берегу, в то время как у порядочного человека нет денег на то, чтобы съездить в соседнюю область к отцу с матерью. Тогда такое было невозможно. Впрочем, тут я допускаю неточность: существовала одна категория граждан, которая проверке не подлежала, – партийная и советская номенклатура, образовавшая касту неприкасаемых, а как раз там дерьма было навалом. У любого режима голова гнилая. Вспомнился мне такой случай. Захотел один неприкасаемый поехать в Африку, кажется по линии ЮНЕСКО. Захотел – и поехал, но очень скоро вернулся: жена подвела. Он на работу, а к ней в окно негр. Сначала был один негр, потом негры стояли уже под окном в очереди. По джунглям прошел слух, что приехала добрая белая леди, которая решила отдать себя, всю без остатка, черному человеку. Пришлось откомандировывать обоих.

Однако же разболтался я что-то, как старый Мазай в сарае, отвлекшись от заданной темы. В заключении на выезд обязательно указывалось наличие судимостей у проверяемого и его родственников первой категории: родителей, взрослых детей, братьев, сестер, жены, а также близких родственников последней. Однажды принесли мне на подпись заключение на некоего Худых Михаила Федоровича, сорока восьми лет, инженера-нефтяника, командируемого в одну из стран арабского мира. Прекрасный специалист, отличный семьянин, уважаемый в коллективе человек, не пьет без повода, скромен, поделчив, молодым бескорыстно помогает, знает английский язык. Но есть одна заковыка: отец его был в 1929 году репрессирован за антисоветскую деятельность. Я потребовал на стол следственное дело на отца Худых. Собственно, это было вовсе и не дело, а несколько листиков, сшитых воедино. Тридцать лет прошло с того дня, но помню я содержание этих листиков так, будто прочел их сегодня утром...

Тот теплый апрельский день начался для Федора Худых, можно сказать, удачно. Отелилась его Буренка. Бычка принесла. Новорожденный, еще не вполне просохший, лежал у печки

на соломенной подстилке и уже пытался подняться и встать на тонкие неверные ножки. Федор сидел рядом и, обращая к теленку ласковые слова,пил желтый самогон, который заедал вареной картошкой, квашеной капустой, обильно сдобренной постным маслом, и черным хлебом. В отношении бычка у Федора были далекоидущие планы: обратить его осенью в мясо, мясо продать на городском рынке, а на вырученные деньги купить обувь себе, жене и двум сыновьям. Старшему, Мишке, первого сентября в школу. Да и самому Федору новые сапоги ой как нужны. Вон соседи подначивают: чего, мол, ходишь по весне в черных валенках, пора бы сменить их на белые, майские.

Федор хотел было сходить к роженице, чтобы накормить и напоить ее, навоз убрать и подстилку сменить, но тут в окно стукнул кнутовищем председатель сельсовета Егор Кузьмин и крикнул, что надо идти на собрание в избу-читальню. Приехало начальство из города – говорить будет. Федор велел жене идти в хлев к Буренке и торопливо завершил трапезу: выпил еще полстакана первача, пожевал капусты с хлебом. Особенно налегал на капусту. Ее было много. Быстро одевшись, окинул взглядом избу с образами в красном углу и Лениным под ними, остатки выпивки и пищи на столе, теленка у печки, улыбнулся и вышел на улицу. Солнце уже садилось, и он обратил внимание на то, что бревна его избы за день полностью просохли после вчерашнего дождя со снегом и из черных сделались коричневато-серыми, отчего многочисленные мелкие трещинки на них обозначились еще более явственно. Поверхность мощных бревен походила на испещренную морщинами кожу древних стариков. О, эти бревна могли поведать многое, умей они говорить! Здесь прошла жизнь отца Федора и его собственная жизнь. Здесь будут жить его дети. Федор коснулся избы рукой, словно благодаря ее за то, что она сберегала его от стужи лютыми зимами и укрывала от жары летом. Надо бы заново проконопатить мхом кое-какие щели, подумал он, постоял немного у крыльца, посмотрел на дымок, вьющийся над трубой, почему-то махнул рукой и зашагал в сторону избы-читальни.

Изва-читальня по случаю наступления весны не отапливалась, поэтому мужики не стали снимать верхней одежды, а некоторые даже шапок не скинули. Человек двадцать пять расположились на скамейках, еще столько же остались стоять у стен и в проходе. Последними пришли Егор Кузьмин и уполномоченный по проведению коллективизации на селе Ефим Бухбиндер.

Это неправда, что люди не обнюхивают, подобно животным, незнакомых человеческих особей. Еще как обнюхивают! Только делают они это незаметно даже для самих себя. Пока Ефим шел к столу президиума, он успел унюхать, что от мужиков пахнет портянками, дымком сгоревших сосновых поленьев, конским и коровьим пометом, щами, махрой и сивухой. Мужики в свою очередь унюхали, что от тужурки уполномоченного пахнет хорошо выделанной кожей, а от него самого – дорогим туалетным мылом, одеколоном, папиросами, копченой колбасой и коньяком. Взаимное обнюхивание не способствовало установлению тесного контакта между приезжим и аудиторией, хотя Бухбиндер был превосходным оратором и пересыпал свою книжную речь пословицами и поговорками, подтверждающими преимущество коллективного труда. Мужиков отпугнула и фамилия пришельца, которая звучала, если не устрашающе, то предостерегающе. Конечно, если бы они знали, что бухбиндер в переводе на русский это всего лишь переплетчик, то, возможно, исход общения был бы иным.

До 1913 года Ефим был профессиональным революционером, а в упомянутом году его сослали на поселение в Сибирь, где он женился и осел навсегда. После победы большевиков служил сначала уполномоченным по продразверстке, потом уполномоченным по сбору продналога, потом уполномоченным по претворению в жизнь новой экономической политики, наконец, уполномоченным по коллективизации деревни. И везде, куда бы его ни швырнула партия, он проводил ее политику жестко и яростно. Он любил повторять завет Троцкого: “Железной рукой загоним человечество в счастье!” И еще один завет Учителя пронес через жизнь: “Если из нашей затеи ничего не выйдет, значит, человечество – это куча гниющих отбросов, не более”.

Федор мало понял из сказанного Бухбиндером, а что понял, тут же забыл. И вообще ему было не до Бухбиндера. Его мучил кишечник, чудовищно вспучившийся от огромного количества съеденной капусты. Федор кряхтел, ерзал на скамейке и, наконец, пустил-таки в тулуп злого духа. Хотел тихонько, а получилось громко. Его толкнули в спину и обругали черным словом. Он хотел было огрызнуться, но замер и съежился под испепеляющим взглядом председателя сельсовета. Федор сделал вид, что с напряженным вниманием следит за ходом мыслей товарища Бухбиндера, а сам продолжал потихоньку выпускать на волю злого духа. Небольшое помещение быстро наполнилось отвратительным запахом сероводорода. Птичье лицо Бухбиндера исказилось брезгливой гримасой, однако он сдержался и спокойным голосом объявил, что доклад его окончен, и можно задавать вопросы.

- Надо бы сделать перерыв для проветривания помещения, – предложил Кузьмин.
- Перерыв! Перерыв! – загудели мужики.

Толпа выкатилась на улицу, оживленно обсуждая выступление Бухбиндера. И волновало мужиков не столько то, что будут перепаханы межи, а коней сгонят в общий табун, а то, по какому принципу будет распределяться конечный продукт сельскохозяйственного производства.

- Ежели всем поровну, то это неправильно. Один в поле на жаре от зари до зари хребет ломает, другой в ту пору в тенечке хреном груши околачивает.
- А ежели судить по тому, кто, сколько дней работал?
- Работают-то все по-разному.
- Как же налог теперь: с души, с десятины аль с того, что намолотим?
- Что намолотим, то и заберут.

Тем временем наступила ночь. В темноте лица едва угадывались, а огоньки самокруток светились ярко, словно уголья. Народ продолжал возбужденно галдеть.

– Не нравится мне эта ихняя затея! – крикнул вдруг кто-то. – Опять дурят нашего брата. Пошел он на хрен, Цугцндер этот! Он им сам сказал, что колхоз дело добровольное. Айда по домам, мужики!

Тут все и разошлись. В избу-читальню никто не вернулся. Сообразив, что произошло, Бухбиндер пришел в бешенство. Он всегда презирал эту страну и вонючих, диких, бородатых ее обитателей, которые воспринимали его, Бухбиндера, словно инопланетянина, посланного Сатаной. Сегодня он эту страну возненавидел. Не давая воли эмоциям, Бухбиндер тихо спросил у Кузьмина фамилию того мужика, что испортил воздух. Бывший красный партизан Кузьмин, который в девятнадцатом под пытками не выдал колчаковцам товарищей, покривился, но фамилию назвал. Он ведь состоял с Бухбиндером в одной партии.

На другой день Федора Худых арестовали, а через неделю судили. Приговор был суровым: «Худых Ф.Н. за срыв мероприятия партии и правительства по коллективизации сельского хозяйства приговорить к высшей мере наказания – расстрелу». Прослышав про такой оборот дела, земляки Федора разом все как один записались в колхоз. Бухбиндера расстреляли аж через восемь лет, в тридцать седьмом как троцкиста. В том же году схлопотал десятку бывший красный партизан Егор Кузьмин, сболтнувший по пьяной лавочке неосторожное слово. Ряды партии от репрессий сильно поредели, но оставшиеся в живых и на свободе большевики продолжали железной рукой загонять Россию в счастье. Теперь мы уже знаем, что ничего из этого у них не вышло, потому что никого нельзя загнать в счастье насильственным путем. Получилось другое: Россия стала супердержавой, устремленной в космос и поразившей мир грандиозностью своих свершений. Пусть большевиков судят потомки, а я полагаю, что Петр Великий, живи он в двадцатом веке, делал бы то же самое, что делали они. Люди будущего еще не раз застынут в восхищении перед призраком красной империи. И только историки будут помнить, что воздвигнута она была, как и все империи, на костях сынов и дочерей ее.

Дети Федора Худых, Егора Кузьмина и Ефима Бухбиндера поначалу жили неважнецки: ведь были они детьми врагов народа. Однако постепенно все устаканилось. Они выучились, получили хорошие профессии, стали уважаемыми людьми. Потомки Федора и Егора простили непутевую свою Родину и не держали на нее зла, потому что была она им матерью, их породившей. Потомки Ефима Родину не простили, потому что была она им мачехой, а мачехе не прощают даже самых малых обид. Шипящую злобу и жажду мести они пронесли через поколения. Внуки Ефима дождались своего часа. Улучив подходящий момент, они разрушили красную империю и построили на ее развалинах счастье, но уже не для всех, а только для себя. Построили его на костях внуков Федора Худых и Егора Кузьмина.

Но что это я снова ушел от заданной темы? Инженер Михаил Федорович Худых благополучно выехал в заграникомандировку. Дальнейшая его судьба мне неизвестна, поскольку через пару месяцев после его отъезда меня перевели из Нефтегорска в Москву, где я продолжил службу в Центральном аппарате разведки.

ХРОМОЙ В ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ

В один из погожих августовских дней 1969 года ко мне в Галле приехал из Магдебурга Виктор Балашов, мой старый приятель-офицер военной разведки. С ним мы познакомились еще в пятидесятых годах, когда Виктор был розовошеким лейтенантом и командовал комендантским взводом в одном из южных городов России. Я работал там же в органах контрразведки. Прошло несколько лет, и мы оба стали разведчиками, продолжая служить в разных ведомствах. В середине шестидесятых годов судьба забросила нас в ГДР, где мы быстро нашли друг друга и возобновили наши контакты...

– Впервые вынужден обратиться к тебе по служебному вопросу, – начал Виктор после взаимных приветствий.

– Давай! Помогу, чем могу, – ответил я.

– Вот какое дело. Мой шеф убыл в очередной отпуск, поручив мне встретиться с его агентом, который должен приехать сегодня с Запада. Оставил план проведения встречи, задание агенту, схему места встречи. Одно забыл – указать населенный пункт. Но мне думается, что это у вас, в Галле. Взгляни-ка на схему.

– Конечно, это у нас, – сказал я, рассматривая четко выполненный чертеж. Вот река Заале, вот замок Гибихенштайн, вот парк у стены замка, вот калитка и скамейка рядом с ней.

Под скамейкой стоял крестик и было тонким карандашом едва заметно написано: «Хромой в два часа пополудни».

– Ты его хоть раз видел? – спросил я Виктора.

– Ни разу.

– А фото?

– Не требуется. У него есть особая примета. Он воевал, был ранен и с тех пор сильно хромотает на левую ногу. Опять же – пароль и отзыв. Ты мне покажешь это место?

– С удовольствием!

– Ну и ладушки. Заодно посмотришь, нет ли за ним «хвоста».

После обеда мы поехали к месту встречи на «Опеле» Виктора. Машину припарковали в полукилометре от заветной калитки. В парк вошли порознь. Виктор направился к скамейке, помеченной на схеме крестиком, а я занял удобную позицию метрах в ста от него, намереваясь вести контрнаблюдение. Парк был почти пустынен. Он расположен в отдалении от многолюдных городских кварталов, и народа здесь всегда немного.

Сначала все шло по плану. В 13.55 из боковой аллеи появился пожилой мужчина с портфелем, осмотрелся и прямым движением двинулся к Виктору, сидящему на скамейке. Мужчина сильно припадал на левую ногу. Поравнявшись с Виктором, он остановился и что-то сказал. Очевидно, попросил разрешения сесть рядом. Так принято в Германии. Сел. «Хвоста» за ним не было. Дальнейшее его поведение показалось мне странным и совершенно нелогичным. Не просидев

на скамье и пяти минут, он вдруг вскочил и бросился прочь от Виктора, постоянно оглядываясь и все убыстряя шаг. Если бы не больная нога, он перешел бы на бег. Выглядел он в эти мгновения смешным, жалким и до смерти перепуганным.

Уже в машине я спросил приятеля, что же собственно случилось.

– Сам ничего не понимаю, – ответил Виктор. – Когда я сказал пароль в первый раз, он посмотрел на меня как на идиота. Когда я повторил пароль, он очень вежливо попросил оставить его в покое. Что было после третьего раза, ты сам видел.

– Знаешь, попытался успокоить я Виктора, – агентура не любит незнакомых оперативных сотрудников. Некоторые вообще отказываются от встреч по паролям.

– Черт с ним! – сказал Виктор. – Пускай шеф сам разбирается с этим делом, когда придет.

Он ругнулся и пригласил меня в гаштет на кружку пива...

Прошли годы. Я осел в Москве. Виктор стал начальником разведотдела в штабе одного из приграничных округов. Мы потеряли друг друга из вида и перестали встречаться. Но однажды он все-таки разыскал меня в столице, будучи командированным на пару суток в генштаб. Я пригласил его к себе. За ужином мне почему-то вспомнился случай с хромым агентом.

– Между прочим, – сказал Виктор, – та встреча планировалась в другом городе. Это был Бернбург. Он тоже стоит на Заале, там есть замок, парк и скамейка у калитки.

Мы дружно расхохотались.

И чего только не случается в оперативной работе!

Первый день последней командировки

Первого февраля 1982 года кадровик с Лубянки вручил мне синие загранпаспорта, сказав при этом пару расхожих напутственных фраз, и я тут же отправился за железнодорожными билетами для себя и жены. На билетах тех было пропечатано: «Конечный пункт назначения – станция Берлин Белорусской железной дороги».

Второго февраля предстояло проститься с отделом, в котором я трудился последние четыре года. Возлияния в «лесу» были в то время строжайше запрещены. Все знаменательные события отмечались за чаем с тортом. Вот и я приобрел в магазине «Чебурашка» два здоровенных торта, съездил в Ясенево и напоил прощальным чаем родной коллектив.

А вечером следующего дня скорый поезд № 17 «Москва-Вюнсдорф» умчал нас на Запад. В Минске, однако, случилось несчастье. Я задремал на нижней полке, и тут электровоз чересчур энергично рванул с места. От неожиданного толчка я полетел на пол, ударившись головой об откидной столик. Левая бровь была рассечена, кровь залила рубашку, забрызгала пол. С трудом жена, плача, остановила кровотечение и заклеила рану пластырем. Я успокаивал ее как мог.

Ранним утром пятого февраля поезд причалил к знакомому перрону Восточного вокзала в Берлине, а через несколько часов я предстал перед своим новым непосредственным начальством Иваном Николаевичем. Тот хорошо знал меня по прежним командировкам, поэтому, скользнув по моей физиономии критическим взором, заявил, что рад мне всякому. При этом шеф сделал неопределенный жест правой рукой. Эту отмашку можно было трактовать двояко: то ли «горбатого могила исправит», то ли «хрен с ним, заживет до первой вербовки».

– Иди, принимай дела, – закончил аудиенцию Иван Николаевич, – да не забудь представиться Ивану Алексеичу.

Иван Алексеичем звали первого заместителя руководителя нашего представительства в Берлине, которое насчитывало несколько сотен сотрудников и скромно именовалась Представительством КГБ при МГБ ГДР. Противник же называл его просто Карлсхорстом, имея в виду микрорайон столицы ГДР, в котором оно располагалось и где проживали все мы.

Иван Алексеич, который тоже знал меня по работе в «лесу», был человеком неординарным. Он любил находчивых и острых на язык. Для него я припас домашнюю заготовку. Просочившись в генеральский кабинет и вытянувшись в струнку, отрапортовал:

– Товарищ генерал-майор, подполковник Ростовцев прибыл в Ваше распоряжение!

Произнеся эту уставную фразу, замер в ожидании указаний.

Иван Алексеич поднялся из-за стола, подошел ко мне и окинул меня хитроватым взглядом.

– А что это у тебя с рожей-то? – спросил он вдруг.

Смирненно опустив незаплывший глаз долу, я ответил:

– Иван Алексеич, если я скажу, что это не по пьянке, Вы ведь все равно не поверите.

Генерал облегченно вздохнул:

– Вот молодец, что правду сказал. А то некоторые плетут околесицу разную. С полки, мол, упал, кот, де, поцарапал и все такое прочее. Ничего трудись. Удачи тебе.

Он крепко пожал мою руку и вернулся к своему столу. Аудиенция была окончена.

Однако мне предстояло еще встать на партийный учет. Секретарь парткома Иван Карпович приветствовал меня веселой матерщиной, давая тем самым понять, что по социальному происхождению он такой же тертый битый-перебитый опер, как я, и устанавливая со мной бесхитростный человеческий контакт. Потом его ни с того ни с сего потащило на исторические параллели:

– Учителя наши великие и основоположники Маркс с Энгельсом тоже не дураки были выпить. Как-то в одной лондонской таверне учинили дебош, а когда их выставили наружу, пбили все фонари на прилегающей улице. Только хорошее знание проходных дворов спасло их тогда от каталажки... Да и Владимир Ильич, когда вновь избранные депутаты Четвертой Государственной Думы явились к нему в Поронино на доклад, поднял в корчме по стограммовому стопарю за каждого. А было их шестеро, депутатов-большевиков. И сдали они его в тот же вечер Надежде Константиновне тепленького... Да... Выпить не возбраняется. Главное – ума не пропить... Ну ладно, давай прикрепительный талон.

Выйдя от парторга, я отправился, наконец, в свой кабинет, чтобы принять дела.

Так начался первый день моей последней загранкомандировки, которая продолжалась без малого шесть лет.

Ящик для писем от покойника

Немецкий язык очень точен и конкретен. Образность ему присуща в гораздо меньшей степени, чем, скажем, языку русскому. К примеру: по-немецки *Genuisegarten* – сад для овощей, а по-русски – огород; по-немецки *Mähdrescher* – косящая молотилка, а по-русски – комбайн; по-немецки *Hauptstadt* – главный город, по-русски – столица.

Прогуливаясь с корзинкой из ивовых прутьев по чистому, ухоженному лесу в окрестностях Бонна и собирая мароны – благородные грибы, цветом напоминающие спелые каштаны, Петр Сутырин размышлял как раз об этой особенности немецкого языка. Вспомнил, как однажды, когда он еще учился в разведшколе, его подвела беззаветная убежденность в неспособности немцев мыслить образно. Была весна. Он размечтался и засмотрелся на дерущихся за окном аудитории воробьев. И тут преподаватель немецкого языка назвал его оперативную кличку и предложил перевести написанное на доске немецкое слово *Totenbriefkasten* (ТВК). Петр вскочил и сходу выпалил: «Почтовый ящик для писем от покойника». Вся группа покадилась со смеху. Немец, печально взглянув на Петра, объяснил, что покойник тут вовсе не при чем, а слово это переводится как «тайник». Компонент «tot» – (мертвый) подчеркивает надежность данного способа связи. Дескать, не продаст, как мертвый, надежен, как мертвый.

С тех пор прошло много лет. Петр давно перестал быть новичком в разведке. Он пять лет работал в Восточной Германии, часто совершал ходки из столицы ГДР в Западный Берлин, где встречался с агентурой и решал другие оперативные задачи. Тайниковой связью пользовался неоднократно, и ТВК давно перестал быть для него почтовым ящиком для писем от покойника. Правда, здесь, в ФРГ, оперативная обстановка была посложнее, чем в Западном Берлине, но жить и работать можно в общем-то в любой обстановке. Сегодня Петру предстояло изъять закладку из тайника, оборудованного в лесу агентом «Вальтером»...

«Вальтер» достался Петру «по наследству» от предшественника. Этот долговязый чудакотавый парень с лицом Тиля Улленшпигеля мечтал приобрести одноместный самолетик и на нем облететь вокруг Земли. Воплощение мечты требовало денег, и поэтому он пошел на сотрудничество с нами. Агент работал лаборантом в исследовательском центре крупного химического концерна, и от него поступала кое-какая информация, представлявшая интерес для научно-технической разведки. Однажды «Вальтер» принес радостную новость: его перевели в секретную лабораторию, занимавшуюся разработкой психотропных препаратов по заказам спецслужб. В одночасье он превратился из середнячка в ценнейшего источника. Петр тут же решил ограничить до минимума количество встреч с «Вальтером» и использовать для связи с ним тайники. Этого требовали правила конспирации.

Сутырин хорошо помнил их последнюю встречу. Они сидели в загородной гаштете¹, уютно расположившейся на склоне лесистого холма. Германия, давно оправившаяся от разгрома, сытая, благополучная, лежала перед ними. Красные вагончики фуникулера, смотровая вышка, телевизионный ретранслятор, высоковольтная линия, крутые черепичные крыши игрушечных домиков, шпили кирх. Внизу поблескивал в лучах закатного солнца неширокий Рейн. За дальним столиком подвыпившая компания негромким стройным хором пела песни о батюшке Рейне, о золотом вине и о древних германцах, осевших на берегах великой реки. Петр расчувствовался и продекламировал строфу из стихотворения Гейне «Русалка», известного ему со школьной скамьи:

*Die Luft ist kühl und es dunkelt,
Und ruhig fließt der Rhein;*

¹ Кафе.

*Der Gipfel des Berges funkelt
Im Abendsonnenschein².*

– Мне будет не хватать тебя, Петер, – с печалью в голосе сказал «Вальтер». – Я успел привязаться к тебе и всегда ждал этих встреч с нетерпением.

– Но ведь мы не навеки расстанемся, – успокоил агента Петр. – Давай встретимся через полгода в Париже или в Брюсселе. Там мы сможем спокойно поговорить и о деле, и на отвлеченные темы.

Сошлись на Париже... «Вальтер» Петру нравился. Ему импонировало то, что агент на встречах вел себя спокойно, расковано и при появлении посторонних лиц не вздрагивал, как другая агентура, видевшая в каждом встречном сотрудника БФФ³.

На той встрече «Вальтер» передал Сутырину описания трех тайников. Первый был уже отработан. Сегодня настала очередь второго. Петр вышел на заветную полянку, когда его корзина была уже полна грибов. Полянку окружали невысокие, в рост человека кусты, а посреди нее стоял невысокий, но кряжистый дуб. В стволе дерева метрах в полутора от земли чернело небольшое дупло. Петр поморщился. Высоковато. Лучше бы оно было где-то на уровне травы. Нагнулся, будто гриб сорвал, а на самом деле извлек контейнер из тайника, но делать было нечего. Петр обошел кусты и, никого там не обнаружив, приблизился к дубу и засунул руку в дупло. Черт побери! «Вальтер» не учел, что Петр на голову ниже него и руки у Петра соответственно короче. Сутырин не смог дотянуться до дна дупла. Мысленно выругавшись, он еще раз обследовал кусты вокруг поляны и остановился перед дубом. Эх, была не была! Скинув туфли, залез на дерево и, раскорячившись на нижних ветвях так, что таз поднялся выше головы, дотянулся-таки до проклятого контейнера. Подняв голову, увидел вдали крышу какого-то строения с круглым чердачным оконцем в торце, до строения было более километра. Конечно, Петр знал, что для телеобъектива это не расстояние, но был настолько уверен в надежности «Вальтера», что не придавал значения увиденному и сунул контейнер в карман, вместо того чтобы отшвырнуть его подальше и, выражаясь языком правонарушителей, рвануть когти. Когда Сутырин уже хотел сесть в свою машину, припаркованную на стоянке у автобана, его задержали и обыскали полицейские и еще какие-то люди в штатском. Нашли контейнер, содержимое которого было тут же предъявлено невесть откуда появившимся «свидетелям». Петр протестовал, потрясал диппаспортом и клялся, что нашел контейнер в траве во время сбора грибов и поднял его из чистого любопытства. Полицейские и люди в штатском, улыбаясь, составляли протокол, а «свидетели» громко возмущались наглостью русского шпиона. Подписывать протокола Петр не стал, однако, все остальные его подписали, и этого было достаточно. Старший группы задержания издевательски откозырял ему и разрешил ехать, пожелав счастливого пути.

Прибыв в посольство, Петр тут же подробно проинформировал о случившемся резидента.

– Что же ты натворил, сукин сын! – грустно пожурил его генерал. – Вроде бы и не мальчик уже. Подстава любимый твой «Вальтер», чистой воды подстава! Ну что ж, иди домой, пакуй вещи. Завтра тебя объявят персоной non grata.

– Сволочи! – проворчал Петр. – Моего предшественника они не трогали, так как он все равно готовился к отъезду, а меня решили подстрелить на взлете.

Фотография Сутырина, раскорячившегося на дубе, обошла большинство газет западного мира. Весь передний план снимка занимал зад, но и лицо можно было обнаружить при внима-

² Прохладой сумерки веют, И Рейна тих простор. В вечерних лучах алеют Вершины дальних гор. (Перевод А. Блока).

³ БФФ – контрразведка ФРГ.

тельном рассмотрении. Одну такую фотографию Петр вырезал, вставил в рамку и повесил над диваном в гостиной своей московской квартиры.

– Это я, – объяснял он, отвечая на недоуменные вопросы гостей. – Да, да, это я. Просто немецкий фотограф оказался авангардистом. Он увидел меня именно таким.

Не всё скоту масленица

В один из жарких июльских дней 1989 года на N-ском полигоне Группы советских войск в Германии проводились плановые учебные стрельбы. В стрекотание автоматов и тяжёлую пулемётную дробь вплетались одиночные хлопки винтовочных и пистолетных выстрелов. По дальней кромке полигона ползал взад-вперёд, то и дело, окутываясь сизым дымом, воня дизелем и глухо грохоча, новенький с иголки танк Т-80. Вокруг него сновали люди в шлемах и комбинезонах. Танкисты под управлением своего боевого командира гвардии старшего лейтенанта Крупина осваивали недавно поступившую в войска современную технику. Метрах в пятистах от танка в одной из штабных палаток сидели два опера из военной контрразведки – капитан Малышев и старший лейтенант Бодров. Особисты пили почти горячий лимонад и ругали танкистов:

– Подавят все грибы, паразиты!

– Да, сейчас после дождей, колосовики пошли, по полкило каждый, и без единой червоточки!

– Надо было их вчера собрать.

– Русский мужик задним умом крепок.

В палатку, шумно пыхтя, ввалился майор Борисенко, командир отдельной роты связи, здоровенный хохол с пышными усами и красной от жары потной физиономией. В руках он держал красивый жёлтый портфель из кожи, похожей на крокодилову. Таких портфелей в военоторговых магазинах не продавали.

– Здорово, шпионоловы! – Гаркнул майор, тяжело опускаясь на походную койку. – Дайте чем-нибудь промочить глотку.

– Привет тебе! – ответил Малышев, откупоривая бутылку лимонада. – На, держи! С чем пришёл?

– Там миссия приехала. Британцы на «Рейндж ровере». Наблюдает за учениями.

– Имеют право, – ответил Малышев. – Если мы их прогоним, они станут гонять таких же наших в Западной Германии. Что это за портфель у тебя?

Майор вздохнул, глотнул лимонада, достал огромный носовой платок и утёр пот с лица.

– Начну издалека. Брательник у меня младшенький служил в Афгане. Как-то расстрелял двух пленных душманов. Командир стал орать на него: надо, мол, было сдать этих пленных в контрразведку Наджибулы. А брательник ему: «Нехай нэ топчуть нашу ридну Афганщину!». Ну командир рассмеялся и назначил ему два наряда на кухне после окончания боевых действий.

– Ближе к делу! – оборвал его Малышев.

– А портфель этот спёр у английских разведчиков рядовой моей роты Тезиков. Он – из урок, Тезиков этот. Три года на зоне отмотал. Думал, в портфеле чё пожарать и выпить найдётся. Вот и спёр.

Малышев площадно выругался.

– Достукались. Уголовников в армию стали брать. Да ещё за границу их служить посылают. Раньше такого не было. Перестройка, понимаешь. Черти её подери! И как же ему удалось увести портфель?

– А он нашёл пару пустых бутылок – вокруг части их полно валяется, разбил и закопал в песок метрах в двадцати позади «Рейндж ровера» горлышками вниз. Ну, они стали сдавать назад, чтобы развернуться на полянке и прокололись.

– Арестовать подлеца! А портфель немедленно вернуть англичанам. Небось, они уже скандалят на всю Германию. Связались, наверняка, по рации со своим офисом в Потсдаме.

– Скандалят трошки. Ещё тягач просят.

– Зачем?
– Сели на пузо в песке.
– Тягач надо выделить. А кстати, что в портфеле?
– Вот! Тезиков-то патриотом оказался. Колу он выпил, сэндвичи слопал, журнал «Плейбой» с голыми девицами полистал, а потом наткнулся вот на это и сразу прибежал с портфелем ко мне.

Майор достал из портфеля сложенную по всем правилам карту и расстелил её на койке. Карта была явно советского происхождения. В верхнем правом углу стоял гриф «Совершенно секретно». Регистрационный номер тоже имелся. Германская Демократическая Республика лежала перед офицерами как на ладони вместе со всеми военными объектами Советской Армии и Национальной Народной Армии ГДР. Малышев пожал плечами:

– Ну и что тут секретного? Все эти объекты давно разведаны потенциальным противником и сфотографированы из космоса.

– Не спеши с выводами, шпионолов! – сказал Борисенко. – Видишь эти красные ниточки. Они пронизали всю эту малюсенькую страну как те кровеносные сосуды.

– Так это же наши линии связи! Вот она и самая главная ВЧ-связь! Конечно, это она, – рассуждал Малышев. – Тянется к штабу ГСВГ, к штабам всех шести армий, в Берлин, Лейпциг и Росток, где посольство, генеральные консульства, и резидентуры КГБ и ГРУ, к нашему Управлению в Потсдаме.

– Теперь понятно, каким образом они нашли и откопали кабель ВЧ-связи под Вюнсдорфом. Хорошо, что грибники тогда их спугнули. А давай вербанём их на этой карте, – предложил Бодров. – Утеря сов. секретного документа допущена всё-таки.

– Двоих сразу – не получится. Приедут в Потсдам – побегут вперегонки к своему начальству доносить друг на друга.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Бодров.

– Всё! – подвёл итог дискуссии Малышев. – Kartу отошлём в Потсдам. Пускай ловят «крота» в высоких штабах и усиливают охрану и защиту линий связи. Ты, Бодров иди и проси тягач у артиллеристов. А я верну портфель шпионам. Майор, тебе спасибо! Будешь поощрён за бдительность. Тезикову же объяви тёплую благодарность за его солдатский патриотизм ...

Майор Дуглас и Капитан Коллинз сидели у своей машины в тени чахлой берёзки в ожидании тягача. От всей их щеголеватости не оказалось и следа. От жары и переживаний они совершенно сникли. Увидев, Малышева, обрадовались. Малышев шёл медленно, проваливаясь в песок. Поприветствовав разведчиков, протянул портфель майору.

– Нам чужого не надо.

– Благодарю Вас, кэптэн. Нам с полудня не везёт сегодня. Не всё скоту масленица.

Малышев удивился тому, что майор сносно говорит по-русски, хоть и сделал грубую ошибку в популярной поговорке. Поправлять его не стал.

Дуглас быстро проверил содержимое портфеля и высказал обиду:

– Зачем ваши взяли карту? Её можно было просто сфотокопировать.

– А вот зачем, мэйджер, – пояснил Малышев. – За утерю совершенно секретного документа вас выгонят из миссии. Пришлют новых. Те будут полгода вживаться в обстановку, а мы тем временем отдохнём, подлечим нервы, водки попьём и запивать её будем великолепным немецким пивом. Мои любимые сорта «Радебергер» и «Вернесгрюнер». Хорошо промывают почки, знаете. На минеральных водах они.

Разглагольствования Малышева привели англичан в бешенство:

– Вы – собакин сын, сэр! – крикнул Дуглас.

– И тволочь! – добавил Коллинз.

Малышева эти замечания не смутили.

– Если я сукин сын и сволочь, то вы козлы, джентельмены! – сказал он.

– Разве «козёл» ругательство?

– Скорее комплимент. Вы поменяли колесо за полторы минуты. Это является рекордом.

– Но этого времени вполне хватило вашей агентуре, чтобы выкрасть портфель.

Малышев ничего больше не сказал. Он пожал плечами, повернулся и пошёл прочь, размышляя о том, что солдата Тезикова следует непременно завербовать в агентурную сеть Особого отдела и активно использовать в контрразведывательных мероприятиях. Навстречу из леса выехал тягач. В кабине рядом с водителем располагался Бодров...

Дугласа и Коллинза уволили из военной миссии и направили для дальнейшего прохождения службы в заштатный гарнизон на севере ФРГ. Друзья-разведчики затаили зло на русских и не теряли надежды отомстить им. Такой случай представился через год после описанных событий. Автомобиль советской военной миссии остановился у ограды британской военной части. Дуглас и Коллинз действовали в полном соответствии со схемой, разработанной русским солдатом Тезиковым. Им удалось похитить бронированный кейс с наборными замками. Пока вызванный с базы ВВС механик пытался разгадать их секрет, друзья потирали руки в ожидании крупного улова.

– Знаешь, о чём я думаю? – сказал Коллинз. – Надо было дать тому русскому капитану денег, и он вернул бы нам карту. Россия – коррумпированная страна.

– Нет, – возразил Дуглас. – Это был чекист. А чекисты взяток не берут. Правозащитник Сахаров сказал, что Кей-Джи-Би – это единственная не коррумпированная структура во всём Советском Союзе. А ему верить можно.

Наконец, механик справился с замками. Крышка кейса откинулась назад с печальным звоном. Друзья склонились над добычей. Они извлекли из кейса каталог фирмы «Отто», бутылку «Столичной», две бутылки пива «Лёвенброй», палку гэдэеровского сервелата, краюху русского солдатского хлеба и газету «Правда» за вчерашнее число.

– Надо вернуть им кейс, – сказал Коллинз после минутного молчания.

– Обойдутся! – зло буркнул Дуглас, откупоривая одну за другой бутылки «Лёвенброя».

В процессе распития душистого янтарного напитка он выдал на гора сентенцию, которая могла бы занять достойное место в справочнике «Мир мудрых мыслей»:

– Пока русские запивают водку пивом, они непобедимы.

Коллинз тут же с ним согласился.

Впускать только рыжих

Как доехать или дойти до Клуба журналистов, в Галле в 70-е годы знал каждый. Это вовсе не значило, что жители древнего ганзейского города на Востоке Германии сверх меры почитали вторую древнейшую. Их осведомленность о местонахождении Клуба объяснялась другими причинами: в этом большом четырехэтажном здании было несколько ресторанов и ресторанчиков, каждый из которых имел свою специфику и соответствовал кошельку определенной толщины. Внизу аппетитно благоухала жареными цыпятами дешевая бройлерная, на втором этаже находились вместительный ресторан подороже и маленькая вайнштубе. О ней и пойдет речь, поэтому живописать другие достопримечательности Клуба не имеет смысла.

«Вайнштубе» трудно перевести на русский одним словом. «Винница» не подходит. Здесь изысканная кухня, хорошие вина и коньяки. Водки не подают. Цены солидные, и публика тоже солидная, состоятельная. Тут почти всегда можно найти свободное место и расслабиться на часок-другой в атмосфере уюта, покоя и доброжелательной предупредительности, излучаемой элегантным кельнером.

Вайнштубе Клуба журналистов вмещала не более восьми столиков. У одной из стен стояло пианино. За пианино сидел старый тапер Гизе, чья память хранила всю музыку мира. Мне никогда не доводилось слышать, чтобы он в ответ на просьбу сыграть ту или иную мелодию развел руками и сказал: «Das kann ich nicht». Публика относилась к старику и его консерваторской эрудиции с почтением. Многие пытались угощать тапера. Он охотно выпивал с завсегдатаями заведения, однако пьяным его никогда не видели. Гизе был со всеми одинаково ровен в обращении, весел, остроумен.

Мы иногда использовали вайнштубе для встреч с иногородней агентурой из числа интеллигенции и деловых людей, а также для проведения других оперативных мероприятий. Об одном из них я вспоминаю всегда с улыбкой.

Надо было организовать знакомство нашего агента с объектом разработки (назовем его «Отто»), располагавшим весьма многочисленными и интересными связями на Западе. «Отто» был гурманом, меломаном и бабником. Каждую пятницу он посещал вайнштубе с одной из своих любовниц, которую угощал ужином и музыкой в исполнении старика Гизе. Познакомиться с «Отто» было поручено агенту «Клюге», асу своего ремесла. На этот случай я позаимствовал его у берлинских коллег. В назначенную пятницу «Клюге», явившись в вайнштубе и заказав ужин, должен был в присутствии объекта разработки затеять дискуссию на музыкальные темы с Гизе. В ходе этого спора ему надлежало преднамеренно допускать мелкие ляпсусы, на один из которых неизбежно клюнул бы «Отто». Человек тщеславный и хвастливый, он не упустил бы возможности блеснуть познаниями в области музыки перед своей дамой и сам пошел бы на контакт с «Клюге». Вот это и есть экстра-класс в оперативной деятельности. Когда же агент по своей инициативе прет на объекта, то тут налицо брак, грязная работа, достойная порицания.

За два часа до начала мероприятия я пришел в вайнштубе ознакомиться с обстановкой. Через минуту у моего столика возник оберкельнер Рольф. Мы были с ним хорошо знакомы. Он давно сотрудничал с криминальной полицией и мне оказывал кое-какие мелкие услуги. Отношения наши носили официально-дружеский характер. Сделав заказ, я осведомился, много ли посетителей придется вечером.

– Очень много, – сказал Рольф.

– Вот как! – удивился я. – При такой погоде все должны после работы двинуть на дачи. Прогноз не предвещает дождя.

– Прогноз врет, как репортер. Правду говорит мой радикулит, – возразил кельнер. – Надвигается гроза.

И он отправился на кухню.

Радикулит никогда не обманывал Рольфа, а при плохой погоде кабаки всегда полны. Я закручинился. Если вайнштубе будет набита битком, наше мероприятие провалится. Нам нужен оперативный простор для маневра, да и каждое слово должно быть услышано. Надо срочно что-то придумывать. А если...

– Слышал новость? – спросил я, когдкельнер вернулся с подносом.

– О какой новости идет речь? – заинтересовался он.

Надо сказать, что Рольф при всем своем внешнем лоске был весьма недалеким парнем. Его домашняя библиотека состояла из трех книг: телефонной, Правил уличного движения и Библии. Вся информация о положении в стране и мире шла к нему от клиентов. Он верил в то, что ему рассказывали, и нес услышанное дальше. Как раз на его дремучести и был основан мой расчет.

– В Стокгольме, – начал я доверительно, – завершил работу Всемирная конгресс рыжих. Решением ЮНЕСКО все рыжие занесены в Красную книгу природы.

– Правильно, – заметил Рольф. – Рыжих не так много на свете.

– Это еще не все, – продолжал я. – Сегодняшний день объявлен Международным Днем рыжих. Не исключено, что галльские рыжие захотят отметить свой праздник в лучших ресторанах города, в том числе здесь. Учти, что среди рыжих много влиятельных людей. Будет нехорошо, если для них не найдется свободных мест.

Рольф молча разбросал по столикам таблички с надписью «Reserviert».

– Как ты думаешь, – спросил он, – уместно ли будет поздравить их с праздником?

– А вот это лишнее. Далеко не каждый из них гордится колером своих волос.

Я расплатился и на время покинул вайнштубе. Когда я снова вернулся туда, за окном уже шелестел дождь и погромыхивало. Рольф встретил меня у входа в зал.

– Впускаю только рыжих, – похвастался он.

– Ты умный человек, шеф, – похвалил я его. – Принеси-ка мне форелей и бокал легкого вина.

Заняв место в дальнем углу зала, я осмотрелся. Прямо передо мной маячил рыжеватый затылок «Отто», любезничавшего со своей пассией. За другими столиками сидело еще несколько рыжих. Две дамы были явно крашенные. Вскоре появился «Клюге», полный, вальяжный сорокалетний сангвиник. У входа он притормозил, вытирая носовым платком пот с лысины, покрытой рыжеватым пухом, незаметно озираясь и оценивая обстановку. Затем проследовал к свободному столику, бросив на ходу таперу: «Bitte «Berliner Luft, Meister!» При этом он фамильярно подмигнул Гизе, которого видел впервые. Тот, привыкший ко всему, поднял руки над клавиатурой, и зал от плинтусов до плафона наполнила бравурная, ликующая мелодия. «Отто» оглянулся и обратил внимание на «Клюге». Игра началась.

Нормальная агентура не любит, когда оперработник наблюдает за тем, как она выполняет задание. Но «Клюге» был артистом своего ремесла. Он нуждался в публике, и этой публикой должен был стать я. Агент работал талантливо. Он все сделал на уровне мировых стандартов. Я ушел домой, когда «Клюге» уже пил на брудершафт с «Отто», а девица последнего хохотала, задыхаясь и повизгивая от острот агента.

«Клюге» позвонил мне на следующее утро и сказал только одну фразу: «Die Sache ist gelaufen!» На русском это означает нечто среднее между «дело в шляпе» и «процесс пошел». Забегая вперед, скажу, что разработка, начатая в Клубе журналистов, завершилась через год вербовкой источника информации на Западе.

А я спустя пару дней навестил Рольфа в его заведении. Кельнер был хмур и обслуживал меня подчеркнуто официально.

– Ты чем-то недоволен, шеф? – любопытствовал я.

– Скажи по-честному, для чего тебе понадобилась вся эта канитель с рыжими? – спросил он.

– Ах, ты вот о чем! Это был обычный розыгрыш. Ничего более. Прости, если обидел. Кстати, я принес тебе кое-что. Вот, взгляни-ка. Механическая бритва. Незаменимая вещь в твоём бунгало, где, если я не ошибаюсь, нет электричества.

Рольф принял подарок и рассыпался в благодарностях.

Обязательство

В апреле 1945 года старший лейтенант госбезопасности Копылов выехал из Москвы в Краснодар с ответственным заданием, которое было не столько сложным, сколько щепетильным. И хотя щепетильность отнюдь не являлась семейной чертой рода Копыловых, молодого офицера это нимало не беспокоило.

За окном вагона плыл безотрадный пейзаж. Страна была разорена войной в прах. Повсюду громоздились груды битого кирпича и бесформенные глыбы бетона, из-под которых торчали искореженные металлические балки и обгоревшие деревянные стропила. В развалинах копошились люди – наши и пленные немцы. Они что-то тащили, копали, чинили. Работали споро. Наши вдохновлялись привычным энтузиазмом, немцы знали, что не видать им фатерлянда, как своих ушей, пока они не восстановят разрушенного. Одно вселяло в душу радость: Красная Армия, словно мстя за горечь поражений сорок первого и сорок второго, неудержимой лавиной катилась по Европе, ломая и кроша тысячелетний Райх десятками тысяч гусениц, миллионами бомб и снарядов. Одна за другой падали перед ней древние и блистательные столицы. Одни отчаянно сопротивлялись, другие осыпали русских цветами. Бои шли уже в Берлине. «Так их, так их, сукиных детей!» – с удовлетворением повторял Копылов, слушая сводки Совинформбюро. Он успел послужить в Смерше, был ранен и чувствовал себя на все сто процентов причастным к приближающейся победе.

Московское начальство разъяснило ему, что после окончательного разгрома Германии война будет продолжена иными средствами и к новой, тайной войне надо готовиться уже сегодня. Эта установка и лежала в основе задания, которое получил Копылов.

Начальнику Краснодарского управления Народного комиссариата госбезопасности он сказал, что начнет, пожалуй, с Армавирского лагеря, потому что именно там находится антифашистская школа, известная всем немцам, поднявшим руки на южных фронтах. Начальник кивнул и выделил ему симпатичную переводчицу и машину с водителем.

Маленький Армавир был разбит не лучше Орла или Курска. В руины были обращены вокзал, гостиница и жилые дома против него, главная улица, носившая имя Кирова, прилегающая к ней площадь и соседние переулки. Тут тоже повсюду работали пленные.

К началу мая Копылов с помощью местных чекистов отобрал три десятка дел на приглянувшихся ему немцев. Преимущественно это была внутрелагерная агентура, имевшая опыт сотрудничества с нашей контрразведкой и учившаяся в антифашуле.

Третьего мая Копылов явился на службу в отличном настроении, несмотря на то, что накануне крепко отметил в компании смершевцев взятие Берлина. Подмигнув переводчице Вале, достал из сейфа кипу папок, швырнул их на стол и сказал:

– Ну что ж, приступим!

– С кого начнем? – весело спросила Валя.

– Тащи любого из кучи, все будут наши.

Валя сняла пилотку, поправила прическу, поводила ладошкой над столом и наугад взяла одно из дел. «Вебер Эгон, 1913 года рождения, уроженец Карлсруэ, юрист», – прочла она.

– Конвойный! – крикнул Копылов. – Давай сюда Вебера из седьмого барака!

Вскоре конвоир, оставшись за дверью, пропустил в кабинет длинного тощего остроносого немца в очках, который, вытягиваясь в струнку перед офицерами, назвал свои данные.

– Садитесь! – приказал Копылов.

Вебер неуверенно опустился на край стула. Его Копылов отобрал, можно сказать, из идейных соображений. Вебер, если верить делу, никогда не состоял в НСДАП, в свое время был разжалован из офицеров в рядовые за пораженческие высказывания, в плен пришел сам, в антифашуле попросился тоже сам. Еще в сорок третьем сдал контрразведке двух бывших

эсэсовцев, прятавших татуировки с группой крови под зелеными армейскими мундирами с чужого плеча, за что был премирован куском сала и краюхой черного хлеба, которые съел в присутствии опера, о чем имелась отметка в деле.

Листая папку, Копылов с брезгливостью поглядывал на пленного. «И как это они дошли до Волги? – думал он. – Тоже мне вояка! Соплей перешибешь!» И тут ему вспомнилось высказывание известного историка о том, что отдельно взятый немец в штатском никакой опасности ни для кого не представляет; страшен немец, одетый в униформу и построенный в колонны.

Копылов спросил у пленного, что он собирается делать после возвращения на родину. Вебер намеревался снова заняться адвокатской практикой, о чем честно сказал русскому. Копылов морщился. Общение с немцем было затруднено. Между ними стоял языковой барьер, а он не привык общаться с людьми через переводчика. Он задал немцу еще пару пустяковых вопросов, а затем спросил без обиняков, согласен ли Вебер помогать советским органам госбезопасности не только на территории СССР, но и на территории Германии.

Вебер помедлил немного и кивнул. Отказываться в его положении было рискованно. Он мог лишиться тех немногих тайных преимуществ, которыми пользовалась агентура Смерша.

– Скажи ему, Валя, нехай пишет подписку, – велел Копылов и начал диктовать.

Валя переводила: «Обязательство – Verpflichtung. Далее с новой строки. Я, Эгон Вебер, родившийся 20 февраля 1913 года в Карлсруэ, проживавший до мобилизации в Мюнцере по Шиллерштрассе, 12, добровольно даю согласие оказывать помощь советской разведке в любое время, когда это потребуется, и в любом месте, где бы я ни находился. Свои донесения буду подписывать псевдонимом «Мюнцер». Об ответственности за разглашение факта моего сотрудничества с советской разведкой предупрежден. Подпись. Армавир, 3 мая 1945 года».

– Вот и все, – сказал Копылов, забирая у Вебера листок. – Условия связи будут оговорены позднее. Валя! Принеси ему второе из нашей столовки!

Через несколько минут переводчица поставила перед Вебером дымящуюся миску с макаронами по-флотски. Вебер утер рукавом обветшалого кителя нос, постоянно пребывавший на мокром месте, и начал жадно, как голодная собака, есть, давась и чавкая. Военнопленных в победном году кормили неважнецки, однако средний русский питался в то время значительно хуже.

Копылов отошел к окну, чтобы немец не видел, какие чувства отражались на его лице, и стал смотреть на развалины, которые весенняя зелень уже маскировала в защитный цвет...

Прошло тридцать лет, и однажды в мой кабинет, расположенный на втором этаже советской военной комендатуры в большом немецком городе, вошел начинающий разведчик Коля Юмашев, держа в руках папку с оперативными подборками.

– Добрый день, Алексей Дмитриевич!

– Добрый день! Садись. Что там у тебя?

– Вот сдаю дела в архив. Подпишите, пожалуйста.

Я начал быстро просматривать подборки, одно за другим подписывая постановления о сдаче дел в архив. С одним из них помедлил.

– «Ленца» жалко архивировать. Перспективный парень.

– Конечно, жалко. Но здесь полная безнадега. Вчера выставил нагого человека за дверь. В грубой форме отзывался о нас.

– А что в этом конверте?

– Фотокопия подписки его отца о сотрудничестве с нами. Отец «Ленца» был завербован в плену, но в дальнейшем с ним не работали.

Обычная история! К агентуре, завербованной методом Копылова, никто не относился всерьез. Почти все эти люди по возвращении на родину заявили в БФФ о факте их вербовки советской разведкой и были тут же прощены. Случались, само собой, приятные исключения, но...

Я вынул из конверта фотокопии и усмехнулся. Третье мая сорок пятого года, Армавир! Мне очень хорошо запомнился этот день. Передвинув на школьной карте флажки, обозначающие линию фронта, я отправился домой и в ознаменование взятия Берлина совершил прыжок с крутой камышовой крыши нашей хатки, сильно повредив при этом руку, за что был нещадно порот теткой, которая заменила мне родителей, взятых войной. Было это на окраине Армавира, и шел мне тогда двенадцатый год.

– А что, отец «Ленца» жив?

– Недавно умер.

– Он ездил в ГДР?

– Ежегодно. У него тут куча родни: брат, племянники.

– Каковы были его взаимоотношения с сыном?

– Думаю, что неплохие. Мать «Ленца» давно умерла, и воспитанием сына занимался как раз он. Вместе они ездили отдыхать к морю и в горы. Он обучил «Ленца» всем премудростям адвокатского ремесла и завещал ему свою контору.

– «Ленц» еще не уехал?

– Уезжает через неделю.

– Тогда пойдешь к нему и скажи, что отец завещал ему работать на нас.

– Алексей Дмитриевич, вы шутите?

– Нисколько. Предъяви ему подписку отца и скажи.

– Алексей Дмитриевич, но это...

– Застеснялся?! Чистоплюй! И все потому, что на тебя не пикировал «мессер», когда тебе было семь лет. И ты не знаешь вкуса жмыха. И папа с мамой твои все в наличии, дай им Бог здоровья! Да немцам во веки веков не расплатиться за то, что они натворили у нас! Однако же мировое сообщество посчитало, что они должны только евреям. Остальным – дулю с маком! А между тем больше всех пострадали от них славянские народы. И они еще о реституциях возмечтали! Я им устрою реституцию! Дай сюда подписку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.